

"Милая Жанна!" Сеголен первой развернула утренний "Ежедневный пророк". "Я не знаю, смеяться мне или плакать".

Аполлинария была слишком увлечена письмом мужа, чтобы отвести взгляд, но Флер удалось отвлечь ее внимание от своей фотографии на обложке Le Mystique. Французская магическая газета с гордостью изображала Флёр, которая одной рукой прижимала к себе раненого товарища по Чемпионату, а в другой держала Кубок Турнира Трёх Волшебников. Очевидно, фотография была сделана сразу после их возвращения на территорию Хогвартса. Как только Флер взглянула на обложку "Пророка", она убедилась, что обе газеты придется прочитать от корки до корки.

"Приведите себя в порядок, девочки. Мы отправимся в кабинет вашего отца, как только будем готовы. Маленький Ангел и Гермиона тоже должны быть готовы". Ни одна из девочек не стала уточнять, что Сеголен не была Делакур, так как Ален был ее неофициальным отцом уже много лет.

Со словами "да, мама" и "да, тетя" две ведьмы-подростка схватили со стола что-нибудь съестное, одновременно приставая к своим младшим подопечным. В двух шагах от стола Флер развернулась и принялась наполнять тарелку пирожными для опоздавших. Сеголен держалась за своего Пророка. Ей не терпелось увидеть реакцию Гермионы.

Двумя этажами выше, в многовековом доме семьи Делакур, две девушки продолжали уютно спать, несмотря на яркий свет, проникающий сквозь вековые свинцовые окна. Часть этого света проникала и через Гарри Поттера.

Мальчик, который умер и вернулся, был так близок к покою, как никогда прежде, с тех пор как погибли его родители. Почему? Все просто. Он любил двух девушек; двух девушек, которые любили его в равной степени.

Сначала Гарри хотел сказать, что это была разная любовь к каждой девушке, но так ли это? Как он мог сказать?

Гермиона была в его жизни с тех пор, как они оба стали первокурсниками. Должно быть, он любил ее с тех пор, как она окаменела на втором курсе... или это было так рано, как тролль? Но он не знал, что чувствовал тогда. Дружба казалась гораздо важнее, чем слово на букву "Л", пока он не узнал, что ему предстоит встретиться с драконом на Первом задании. Как бы сильно он ее ни любил, он ни разу не делал романтических выпадов в сторону своего кустодиевского книжного червя. Будь оно все проклято.

Он никогда не любил Чо. Теперь, когда Гарри оглядывался назад с уникальной для мертвых точки зрения, он мог видеть, чем была эта влюбленность. Чо была красива... даже прекрасна, но не более чем гормоны направляли его в ее сторону. Жизнь Гарри была бы намного проще, если бы он вместо этого влюбился в Гермиону. Его жизнь была бы такой же короткой, несмотря ни на что. Он ни за что не поднимет Габриель со дна озера.

Габриэль. Какая милая, невинная, веселая, талантливая девочка. Она жила в том детстве, которое он так и не смог прожить сам. Он так любил ее. Неужели эта любовь так сильно отличается от его любви к Гермионе? Забудьте о гормонах... забудьте о снохождении... забудьте хоть на мгновение о том, что он мертв. Обе эти девушки спали в одной постели, прямо перед ним, прямо сейчас. Будь он сегодня жив, смог бы он оставить одну из них ради другой?

Нет. Нет, он не смог бы. Это убило бы его, даже если бы он попытался. Слава богу, что обе девушки оказались под одной крышей. Наблюдать за ними стало намного легче.

Гарри вздохнул бы от счастья, будь он жив. Вместо этого он счастливо смотрел на своих девочек, не двигаясь с места, как делал это уже больше часа.

Миртл была права. Быть призраком - это чудеса терпения.

-клик-

"Доброе утро, Флёр. Сеголен". Гарри поднялся, чтобы поприветствовать своих гостей.

"Доброе утро, Гарри". Оба улыбнулись и ответили в стереофоническом режиме.

"Хотел бы я понюхать, что на этой тарелке. Выглядит замечательно". Гарри был слишком занят прошлой ночью, чтобы пропустить еду, запах или вообще что-либо. Он ухмыльнулся про себя. Как только девочки уснули, Гермиона сделала все возможное, чтобы заставить его забыть, что он мертв.

Видимо, запахи и звуки утра могли сделать то, что не удавалось самому солнцу. Гермиона зашевелилась.

"Ооооооооо Харрррри. Почему мы не могли сделать это до твоей смерти?" Гермиона начала потягиваться и извиваться под одеялом, выпустив одну гладкую ногу и притягивая взгляд Гарри.

Если бы он был внимателен, мы бы увидели, что улыбки Флёр и Сеголен стали гораздо шире.

"И что же это было, Эрмиона, что он сделал с тобой, пока ты спала?" Гермиона села и открыла глаза. Как она собиралась...

"Они играли в "чмок-чмок" в библиотеке Гермионы! У Гарри теперь девчачьи микробы". Габриэль не открыла глаза. Но она плотнее прижалась к Гермионе, пытаясь устроиться поудобнее.

"Ее "библиотека"? Так ее называют в Англии? Как вы двое догадались прикасаться друг к

другу? Неужели мне придется спрашивать, какие у вас намерения в отношении Гермiony, мистер Поттер?" Ближе к концу Флер поняла, что, слушая Габби, она на мгновение вернулась к французскому языку. По их виноватой реакции она также поняла, что Габби была права. Откуда Габби узнала? Флер и ее матери придется в ближайшее время загнать Габриэль в угол и задать несколько вопросов.

<http://tl.rulate.ru/book/114465/4464639>